
ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС ЖӘНЕ КРИМИНАЛИСТИКА

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.137

В.В. Хан

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
(E-mail: khanvitaliy@gmail.com)*

Дифференциация уголовно-процессуальной формы: пределы допустимости

Целью работы является установление пределов допустимости при дифференциации уголовно-процессуальной формы. С периода массовых репрессий 20–30-х гг. прошлого столетия в отечественном уголовном процессе наблюдается тенденция интеграции административных производств в уголовное судопроизводство. До настоящего момента наблюдается позиция практиков о необходимости внедрения административных порядков в уголовный процесс для упрощения и ускорения уголовной расправы. В науке уголовного процесса на протяжении века ведется дискуссия о направлениях и возможностях дифференциации процессуальной формы. Подобные дискуссии лишены методологической основы, поскольку предполагаемое упрощенчество в уголовном процессе направлено не на процессуальную экономию, а на подмену уголовно-процессуальной формы административным производством. Достиженные результаты исходят из анализа исторических документов и научных достижений уголовно-процессуального права. Отмечается, что используемая методология дифференциации уголовно-процессуальной формы является традиционной для репрессивного уголовного процесса, а потому и использование опыта развитых государств не всегда воспринимается с позиции восстановительного правосудия. На основе исследования формируется авторское понимание дифференциации уголовно-процессуальной формы и определяются ее пределы. Достижение эффективности уголовного процесса и рационализация возможна с помощью потенциала современных наук. Автор приходит к выводу о том, что сведение уголовно-процессуального доказывания до протокольно-приказного производства не вписывается в рамки современного уголовного процесса. Интеграция административных процедур в уголовное судопроизводство представляется недопустимой и дискредитирующей уголовный процесс как особый вид правосудия и государственной деятельности.

Ключевые слова: дифференциация уголовно-процессуальной формы, ускоренное производство, особые виды производства, уголовные репрессии, принципы упрощения уголовного судопроизводства.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена проводимыми в нашем государстве правовыми реформами. В уголовное законодательство были интегрированы составы административных правонарушений, закрепившиеся в УК РК в виде уголовным проступков, которые, несомненно, сказались и на дифференциации уголовно-процессуальной формы. Данный феномен является абсолютно закономерным, однако последующая дифференциация, направленная на распространение административного производства на дела о преступлениях, представляется нами традиционной, но не адекватной тенденцией с позиции уголовного процесса как особого вида правосудия и государственной деятельности правоохранительных органов.

Целью исследования является определение допустимых пределов дифференциации уголовно-процессуальной формы. Достижение цели обеспечивается решением задач, направленных на установление особенностей развития национального уголовного процесса, раскрытие исторического опыта дифференциации процессуальной формы в сторону упрощения и его последствий, а также аргу-

ментации допустимых пределов, обеспечивающих эффективность судопроизводства без свертывания процессуальных гарантий.

Обращаясь к науке уголовного процесса, следует указать на несколько подходов к определению возможности дифференциации уголовного судопроизводства. С советского периода зародилось два направления в этом вопросе. Одни авторы полагали возможность дифференциации процессуальной формы исключительно в сторону усиления процессуальных гарантий, другие считали такой подход атавистическим и не желали видеть отрицательных сторон упрощения в уголовном судопроизводстве. В эволюционном содержании идея о дифференциации в национальном уголовном процессе всегда имеет один исход, после введения упрощенных процедур наблюдается их рост в сторону более тяжелых деяний, имеющих более суровые правовые последствия.

Все это вытекает из применяемой теоретиками и практиками методологии по решению данного вопроса, которая представляется неадекватной, в рамках современной действительности и правовой политики государства, направленной на обеспечения прав и свобод личности, формирования справедливого уголовного судопроизводства. Используемая ими методология является составной частью репрессивной политики, носящей реакционно-карательный характер и противоречащей современным тенденциям развития права. Такая ситуация порождает имеющиеся пробелы в выводах исследований и позиций существующих научных школ в сфере уголовного судопроизводства.

Изучение теоретических, правовых и эмпирических основ рассматриваемого нами вопроса позволило автору определить собственную точку зрения и прийти к конкретным результатам, восполняющим существующие проблемы.

Методы и материалы

В работе используется современная методология научного познания. В основе исследования положена диалектика, позволяющая познавать явления действительности в их развитии и самодвижении. Рассматриваемый феномен подлежал изучению с неразрывной связью с политическими процессами, культурой и другими влияющими факторами. Учитывался конкретно-исторический ракурс и общественная практика. А также метод сравнительного правоведения и аналогии, путем изучения и сопоставления подобных институтов, имеющих место в родственных уголовно-процессуальных системах. Конкретно-социологический метод позволил указать фактические данные, имеющиеся последствия правовой действительности.

Функциональный метод раскрыл сущность рассматриваемого феномена посредством изучения его функций.

Результаты

С момента введения в национальный уголовный процесс упрощенных процедур в правотворчестве наметилась тенденция аргументация положительности распространения административных процедур на разрешения дел уголовно-правового характера. Возвращение к реакционно-карательным формам уголовного процесса породила новую волну репрессивной политики, вызванной неправильным восприятием норм и институтов зарубежного права, в силу использования неадекватной методологии.

Главным результатом статьи стало определение пределов допустимых при дифференциации уголовно-процессуальной формы. В этой связи автором на основе раскрытия исторического опыта дифференциации процессуальной формы в сторону упрощения и его последствий приводится аргументация допустимых пределов, обеспечивающих эффективность судопроизводства без свертывания процессуальных гарантий.

В частности, дается авторское определение дифференциации уголовно-процессуальной формы, которое подразумевает исключительное усиление гарантий, обеспечивающих справедливое судопроизводство и позволяющих достичь реализации задач уголовного процесса. Представляется, что достижение эффективности уголовного процесса достигается с помощью потенциала современных наук, прежде всего, социальных и технических, без свертывания гарантий и сокращения уголовно-процессуального доказывания. Обосновывается недопустимость сведения уголовно-процессуального доказывания до протоколно-приказного производства и интеграции административных процедур в уголовное судопроизводство.

Уголовный процесс представляет собой особый вид правосудия и деятельности правоохранительных органов государства. Исходя из заявленного в Конституции Республики Казахстан ключе-

вых ценностей, прав и свобод личности, конституционных принципов правосудия, уголовный процесс носит восстановительный характер и не может содержать в себе задач реакционно-карательного характера. Уголовно-процессуальная форма обеспечивает гарантии граждан от необоснованного обвинения и осуждения, справедливого судебного разбирательства, укрепления законности и правопорядка, формирования уважительного отношения к праву. Особые процессуальные гарантии, содержащиеся в уголовном судопроизводстве, и система доказывания вызваны повышенной общественной опасностью, суровостью применяемых видов наказаний и последующих правовых последствий.

Все это обязывает изменить концепцию репрессивного подхода в сфере уголовного судопроизводства и изменить сложившуюся парадигму пределов дифференциации процессуальной формы с сторону упрощения, по делам о деяниях, имеющих более высокую степень общественной опасности и более суровых мер наказаний и последующих правовых последствий.

Основная идея предлагаемой концепции состоит в искоренении порочной правотворческой практики, направленной на распространение процедур, предусмотренных для менее тяжких деяний на более тяжкие. Кроме того, преследуется цель обращения ученых и практиков к использованию релевантных научных методов в решении вопросом экономии сил и средств при достижении задач уголовного судопроизводства.

Обсуждение

Проблема дифференциации уголовно-процессуальной формы не является новой, но остается по-прежнему актуальной для национальной науки уголовного процесса. Корень проблемы дифференциации процессуальной формы заключается в определении ее пределов. В науке уголовного процесса имеются две противоборствующие стороны относительно данного феномена.

Первые выражают позицию единства процессуальной формы, но при этом не отрицают возможности ее дифференциации, которая видится в усилении процессуальных гарантий. Подобные особые производства могут иметь место в отношении несовершеннолетних, невменяемых и лиц, заболевших после совершения преступления психическим расстройством, а также лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом от уголовного преследования.

Так, классик советского уголовного процесса М.С. Строгович вполне справедливо полагал, что процессуальный порядок должен быть построен рационально. Установленный порядок уголовного судопроизводства — это закономерный итог развития уголовно-процессуального законодательства и осуществления достижений науки уголовного процесса. Несомненно, уголовно-процессуальное законодательство должно совершенствоваться, имеющиеся недостатки должны быть устранены. Но развитие законодательства идет в направлении дальнейшего расширения и усиления демократических процессуальных форм и процессуальных порядков, и именно этому должна всемерно содействовать наша уголовно-процессуальная наука.

Особо им подчеркивалось, что некоторая дифференциация возможна, и она существует в действующем законодательстве, но лишь при условиях неременного сохранения всех процессуальных гарантий и дальнейшего расширения и упрочнения. Он полагал, что тенденция к установлению единой формы уголовного судопроизводства — проявление определенной закономерности развития уголовно-процессуального права. Такая закономерность основана на принципиальных теоретических положениях: единое понятие преступления; единая судебная система; народный суд как основное звено судебной системы; единая система основных принципов уголовного процесса [1; 213, 214].

В действительности, после массовых репрессий 20–30-х гг., только к концу 50-х, советский уголовно-процессуальный закон искоренил порочную практику упрощенчества и пришел к единству процессуальной формы, дифференциация которой была связана исключительно с усилением процессуальных гарантий. Впрочем, данное направление сохранялось не так долго и к середине 60-х гг. советский уголовно-процессуальный закон вновь подвергся интеграции порядков административного права. Вначале подобные процедуры были предназначены по деяниям, за которые максимальное наказание не превышало лишения свободы свыше одного года, а в последующем они стали распространяться на деяния с более суровыми наказаниями.

Подобная тенденция имела место и с УПК РК 1997 г., который изначально придерживался уголовно-процессуальных гарантий и форм доказывания, а в последующем перешел к упрощенчеству по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, и позже по тяжким преступлениям. УПК РК 2014 г., несмотря на внедрение новых институтов, в виде процессуального соглашения, продолжает распространять протоколно-приказное доказывание по большинству составов преступлений.

В этой связи вполне очевидной становится позиция и других ученых-процессуалистов, отрицающих дифференциацию процессуальной формы в сторону свертывания процесса доказывания и процессуальных гарантий справедливого уголовного судопроизводства.

В этом отношении абсолютно правы Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев и П.С. Элькинд в своем постулате об обеспечении уголовно-процессуальной формы необходимых условий установления истины, решения всех задач правосудия, наиболее полного осуществления прав и законных интересов личности. Авторы выступают за совершенствование процессуальных гарантий не только путем «усложнения» процессуальной формы, но и путем ее «упрощения». При этом авторы предостерегают от односторонних и необидительных аргументов, превалирующих среди сторонников упрощенчества, на подобие необходимости обеспечить оперативность и быстроту судопроизводства, или такие, как «ясность», «простота» некоторых уголовных дел. Необходимо учитывать все возможные последствия «упрощения» процессуальной формы и непременно то, как это отразится на всестороннем исследовании обстоятельств дела, на обеспечении прав и законных интересов личности. Нельзя не учитывать исторический опыт развития процессуального законодательства, устранившего такие упрощенные формы, которые могли привести к нарушению законности [2; 231].

Большинство сторонников первой позиции (Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич, И.Л. Петрухин, Н.Н. Полянский, П.И. Стучка, Н.Ф. Чистяков и другие), которых на страницах юридической литературы зачастую именуют противниками дифференциации, таковыми не являются. Никто из этих авторов не выступает за полную унификацию уголовного процесса, поскольку, само по себе, такое положение представляется невозможным и фанатичным. Выставлять их в подобном свете неправомерно и неэтично.

Уголовный процесс, наряду с общим порядком, имеет и иные дифференцированные формы, направленные не только на обеспечение дополнительных гарантий, но и упрощенного, ускоренного характера в пределах их допустимости, исходя из юридической природы уголовно-процессуального права.

По сути, сторонники первой позиции выступают против трансформации уголовно-процессуального доказывания в административный, протоколно-приказной порядок и следующего за этим сокращения задач и содержания основных начал уголовного судопроизводства.

Уголовное правосудие должно сохранять основные процессуальные гарантии всем участникам судопроизводства. Поэтому Х.У. Рустамов под сущностью дифференциации процессуальной формы понимает ее исключительно в рамках ее упрощения и рационализации [3; 17].

Таким образом, сторонников первой позиции следует признать хранителями юридической природы уголовного процесса и противниками интеграции административных процедур.

Вторые ратуют за так называемую процессуальную экономию и выступают за дифференциацию процессуальной формы в сторону свертывания гарантий, направленных на решение задач уголовного судопроизводства. Правда, сторонники этой позиции обосновывают ее диаметрально противоположными доводами. В частности, М.Л. Якуб рассуждал о том, что по делам о малозначительных преступлениях и о ряде преступлений, не представляющих большой общественной опасности, относительно несложных и не имеющих особого общественно-политического значения, нет надобности в ряде процессуальных форм и гарантий, свойственных ныне действующему порядку судопроизводства, в частности в предварительном следствии и дознании, а следует применять более простой порядок. Те или иные процессуальные формы и процедуры, необходимые по делам об одних видах преступлений, могут быть ненужными по делам о других преступлениях. Процессуальные формы и процедуры связанные с ненужным расходом энергии, средств и времени как государственными органами, так и отдельными гражданами, приводят к вредному для правосудия затягиванию производства по делу, препятствуют доступности процесса. Такие процессуальные формы и процедуры не только не служат гарантиями законности и правосудия, но и являются препятствием в осуществлении задач уголовного процесса и противоречат его демократической природе и принципам [4; 78, 79].

Подобные мнения, наоборот, направлены против самой природы уголовного судопроизводства в целом и его задач, в частности.

Общими задачами уголовного процесса являются пресечение, беспристрастное, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона, защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений.

Специальными задачами выступает порядок производства по уголовным делам, который должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного — не-

замедлительную и полную его реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву (ст. 8 УПК РК).

Вызывает сомнения и тезис о малозначительных преступлениях и о ряде преступлений, не представляющих большой общественной опасности, который часто используется сторонниками упрощенных форм наряду с употреблением термина «демократические принципы». Если преступление стало малозначительным или перестало представлять большую общественную опасность, то такое деяние, в силу демократических принципов, следует перевести в разряд проступков, с соответствующими мерами взыскания и правовыми последствиями.

На правовые последствия обращаем особое внимание. Никто не учитывает, что согласие лица на ускоренный порядок, сказывается не только на снисхождении при назначении наказания, но, что самое важное, отражается на дальнейших последствиях для осужденного, особенно по делам о преступлениях, относящихся к категории средней тяжести и тяжким.

Среди сторонников второй позиции аккуратно выделяются деяния «особого общественно-политического значения», в отношении которых дифференциация процессуальной формы в сторону ее упрощения представляется недопустимой. Здесь авторы учитывают исторический опыт политических репрессий. Но почему тогда ими не учитывается опыт массовых репрессий и их последствия?

Отдельные авторы доходят и до того, что в полном процессуальном оформлении досудебного расследования видят препятствие к установлению истины. За примером далеко ходить не надо, А.А. Лиеде, ссылаясь на случаи из следственной практики, когда преступник, пойманный с поличным и сознавшийся при первом допросе, предполагает, что в ходе предварительного следствия, в подобных ситуациях у преступника появляется возможность находить пути и средства к сокрытию следов преступления и искажению истины. Впоследствии такие дела прекращаются или оканчиваются оправдательным приговором вопреки правосудию [5; 110].

Подобная позиция изначально посягает на основные начала уголовного судопроизводства. Даже если лицо застигнуто на месте происшествия, это еще не означает, что его можно именовать преступником. Конституционные нормы имеют прямой запрет на подобного рода подходы. Принцип презумпции невиновности является незыблемым постулатом для уголовно-процессуальных отношений, а его реализация как раз и зависит от установленной уголовно-процессуальной формы. Изначально сформированный субъективный подход А.А. Лиеде отрицает невиновность лица, задержанного с поличным, поэтому и предполагает различные формы противодействия расследованию, вместо признания объективного отсутствия доказательств по уголовному делу. Подозреваемый задержан с поличным и дал признательные показания, дело само по себе является простым. Нет необходимости искать улики, их можно изъять с места происшествия. Остается только перепроверить доказательства и удостовериться в отсутствии самооговора. Ведь в следственной практике нередки и другие случаи, когда лицо, задержано на месте происшествия и первоначальные улики доказывают его виновность, при всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела устанавливается другой подозреваемый и воссоздается полная картина произошедшего.

Вот почему для нас остается бесспорным тезис классика советского уголовного процесса М.С. Строговича о том, что «если дело действительно простое, его расследование и разрешение не будут связаны с большими трудностями и произойдут быстро, но ни в коем случае не путем «свертывания» процессуальной формы и сокращения процессуальных гарантий» [1; 213].

Сама идея упрощенства и подмены уголовно-процессуального доказывания административным, протоколно-приказным порядком возникла в умах организаторов массовых репрессий, требовавших короткого процесса с жесткой репрессией [6; 85]. Воспеваемый дуализм императивного и диспозитивного применения процессуальной нормы, по соблюдению процессуальных гарантий, исходя из ситуации, повлек за собой существенное сокращение уголовного процесса и уголовно-процессуального закона [7].

Относительно Казахстана этот опыт демонстрируется в исследованиях профессора А.Я. Гинзбурга, архивных материалов, которые пестрят красочными примерами творившегося беззакония, в античеловеческих инквизиционных традициях, с пытками, истязаниями и физической расправой в 30-х гг. прошлого столетия [8].

Современными сторонниками второй позиции (Н.А. Власова, О.В. Качалова, С.С. Цыганенко и другие), помимо указанных доводов в обоснование приводится опыт зарубежных государств. Вместе с тем, в большинстве случаев подобные отсылки к западному опыту делаются в одностороннем по-

рядке, что соответствует идеологии упрощенчества. Дело в том, что упрощенный порядок в западных государствах в нашем понимании относится к административным проступкам. Однако следует признать, что подобные процедуры в ряде европейских государств распространяются и на преступления небольшой тяжести.

При этом имеются особенности применения упрощенных процедур, выраженные в принципах исключительности и компенсации за отсутствие непосредственного исследования доказательств в суде. Принцип исключительности предполагает применение упрощенного производства в отношении дел, представляющих наименьшую общественную опасность, имеющих простые обстоятельства и ясные доказательства, т.е. понятные для всех участников процесса, не вызывающих спора, неразрешенных ситуаций и формирующие очевидную картину совершенного деяния. В Германии упрощенные формы допустимы только по деяниям, предусматривающим максимальную меру наказания, в виде лишения свободы до одного года, при условии, что суд применит штраф или условное лишение свободы.

Принцип компенсации за отсутствие непосредственного исследования доказательств в суде, гарантируют лицу, не согласному с судебным решением, принятым в упрощенной форме с присущими изъятиями, возможность достичь справедливого решения посредством механизма обжалования или иными способами [9; 165, 10; 99].

Также следует отметить, что упрощенный порядок состоит в исключении одной из стадий уголовного процесса. В странах с развитой демократией, экономии подлежит нагрузка на суды, а не на следственные органы. По этой причине досудебное расследование проводится в полной мере, чтобы суд не сомневался в виновности лица и односторонней деятельности органов уголовного преследования. Сокращению подлежит только судебное следствие.

В отечественной теории уголовного процесса, реализацию принципа компенсации мы наблюдаем в работе Х.У. Рустамова, который для экономичности и простоты уголовного судопроизводства предлагал при ускоренном порядке исключить стадию предварительного расследования. Он полагал, что направление дела непосредственно в суд имеет ряд преимуществ, выраженных в воссоздании всех деталей преступления непосредственно в суде, где они имели бы более четкий и яркий характер, а также исключалась бы возможность давления на свидетелей и потерпевших [3; 156].

Подобные делящиеся тенденции, характерные для уголовного процесса постсоветского пространства указывают на необходимость в проведении реальной реформы стадии досудебного расследования, деятельности уголовной полиции и прокурора. По сегодняшний день, уголовный процесс стран постсоветского пространства остается следственным, где главные субъекты уголовного процесса, а именно суд и прокурор вынуждены обслуживать уголовную полицию.

Казахстанский уголовный процесс подобных принципов не содержит, что в очередной раз доказывает не стремление реформаторов к дифференциации уголовно-процессуальной формы, с позиции ее совершенствования, а попытки обосновать эффективность подмены уголовно-процессуального доказывания административным, протоколно-приказным производством. Ускоренное досудебное расследование распространяется на преступления небольшой, средней тяжести и тяжкие преступления. Из этого следует, что ускоренное досудебное расследования, предусмотренное УПК РК, не соответствует принципу исключительности.

Кроме того, административный характер упрощенных форм национального уголовного процесса, вытекает из сокращения как досудебного расследования, так и судебного разбирательства. При таких условиях переход в обычное производство возможен только де-юре, а де-факто не имеет под собой никаких оснований, поскольку изначально не осуществлялось уголовно-процессуальное доказывание. Судьи до сих пор остаются наедине с этой проблемой [11].

В отношении вопросов обжалования законодатель до сих пор не может дать четкого ответа. Так, согласно ч. 2 ст. 629–6 УПК РК осужденный вправе в течение семи суток со дня получения копии обвинительного приговора направить в суд, вынесший приговор в порядке приказного производства, ходатайство о несогласии с приговором, за исключением размера штрафа. Если от осужденного в установленный срок поступит ходатайство о несогласии с приговором, судья отменяет приговор, вынесенный им в порядке приказного производства, и возвращает дело органу досудебного производства, о чем выносит постановление.

В то же время п. 4 ст. 629–7 УПК РК указывает, что на обвинительный приговор осужденным может быть принесено ходатайство только в случае его несогласия с размером назначенного штрафа.

Что имеет право обжаловать осужденный, свое несогласие с приговором за исключением размера штрафа или только несогласия с размером назначенного штрафа?

В соответствии с п. 5 ст. 629–7 УПК РК постановление о прекращении производства по уголовному делу и обвинительный приговор, вынесенные в порядке приказного производства (т.е. по делам об уголовных проступках и преступлениях небольшой тяжести), также могут быть пересмотрены в порядке, предусмотренном разделом 10 настоящего Кодекса. Однако, пп. 1) ч. 2 ст. 484 раздела 10 УПК РК гласит, что в кассационном порядке не подлежат пересмотру судебные акты по делам об уголовных проступках и преступлениях небольшой тяжести [12].

Следует также обратить внимание и на то, что статьи с 629–1 по 629–8 были дополнены разделом 13–1 (Законом РК № 118-V от 21.12.2017 г.) системно и одновременно, что исключает возможность технических ошибок, имевших место в истории нашего законодательства, при частичных изменениях и дополнениях. Поэтому право обжалования по упрощенным формам для казахстанских осужденных пока остается на усмотрение органа ведущего уголовный процесс.

Возможна и верна позиция S. Kaіja, который отмечает о сложности рассуждения о недостатках в основах (принципах) организации уголовно-процессуальных форм, если в результате дифференциации другие формы не являются подтипами, приобретшими свою самостоятельность в системе уголовного процесса. В таких случаях следует признать наличие единого уголовно-процессуального порядка [13].

Выводы

Основываясь на рассмотренных доводах, можно сделать вывод о том, что сторонники второй позиции фактически пытаются обосновать необходимость сведения уголовного процесса до административного производства, для увеличения количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. По сути, речь идет о свертывании уголовно-процессуального доказывания до административного протокола и основанного на нем приказа суда, а также современных достижений в сфере прав и свобод личности, которые несопоставимы с формами уголовной расправы.

Последствия введения подобных форм, сказывающиеся на росте преступности и распространении тюремной культуры в нашем обществе, наглядно продемонстрированы в исследованиях первого заместителя председателя Верховного Суда в отставке, руководителя центра Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ В. Радченко [14], относительно всего постсоветского пространства.

В целом мы полагаем, что:

1. Под дифференциацией уголовно-процессуальной формы следует понимать совершенствование уголовно-процессуальных процедур, по отдельным категориям уголовных дел, путем усиления гарантий, обеспечивающих справедливое судопроизводство и позволяющих надлежащим образом реализовать задачи уголовного процесса.

2. Дифференциация уголовно-процессуальной формы, в сторону процессуальной экономии, направлена на достижение эффективности уголовного процесса и сочетает в себе рациональное использование процессуальных сроков, сил и средств, с полным соблюдением задач и принципов уголовного судопроизводства.

Эффективность уголовного процесса и рационализация достигаются с помощью потенциала современных наук, прежде всего, социальных и технических, без свертывания гарантий и сокращения уголовно-процессуального доказывания.

3. Сведение уголовно-процессуального доказывания до протоколно-приказного производства не вписывается в рамки современного уголовного процесса и представляется одной из исторических разновидностей розыскного процесса в виде уголовной расправы.

Интеграция административных процедур в уголовное судопроизводство представляется недопустимой и дискредитирующей уголовный процесс как особый вид правосудия и государственной деятельности.

Список литературы

- 1 Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации / М.С. Строгович // Избранные труды: [в 3-х т.]. — Т. 2. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. — М.: Наука, 1992. — 278 с.
- 2 Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. — 303 с.
- 3 Рустамов Х.У. Уголовный процесс. Формы / Х.У. Рустамов. — М.: Закон и право; ЮНИТИ, 1998. — 304 с.

- 4 Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М.Л. Якуб. — М.: Юрид. лит., 1981. — 144 с.
- 5 Лиеле А.А. Производство по делам о мелких преступлениях по проекту УПК Латвийской ССР / А.А. Лиеле // Правоведение. — 1959. — № 3. — С. 109–113.
- 6 Крыленко Н.В. Пора! / Н.В. Крыленко // Революция права. — М., 1927. — № 4. — С. 84–91.
- 7 Бранденбургский Я. К постановке вопроса об упрощении уголовного процесса на VI съезде работников юстиции / Я. Бранденбургский // Ежегодник советской юстиции. — 1929. — № 1. — С. 3–9.
- 8 Гинзбург А.Я. Особое совещание и «тройки» ОГПУ-НКВД в системе советской законности: правовой аспект [Электронный ресурс] / А.Я. Гинзбург. — Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4549695-osoboe-soveshhanie-i-trojki-ogpu-nkvd.html>
- 9 Брестер А.А. Сравнительно-правовой анализ упрощенного производства в уголовном процессе России и Германии / А.А. Брестер, А.С. Быковская // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 12 (61) — С. 162–170.
- 10 Брестер А.А. Принципы упрощения уголовного судопроизводства на примере Швейцарии и Германии / А.А. Брестер, А.С. Быковская // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 2. — С. 99–104.
- 11 Бердыгулова Ж.К. Проблемные вопросы, возникающие при заключении процессуальных соглашений / Ж.К. Бердыгулова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://akm.sud.kz/rus/content/problemnye-voprosy-voznikaushchie-pri-zaklyuchenii-processualnyh-soglasheniy>
- 12 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K140000231> [обращение 15 марта 2019 г.]
- 13 Kaija S. Criminal procedural form and its differentiation / S. Kaija // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, www.sgemvienna.org, SGEM2018 Vienna ART Conference Proceedings. — 19–21. — March, 2018. — Vol. 5, Issue 1.1; — 131–138 p. — DOI: 10.5593/sgemsocial2018H/11/S02.017
- 14 Радченко В. Хорошо сидим / В. Радченко // Российская газета — Федеральный выпуск № 4741 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2008/09/02/radchenko.html>

В.В. Хан

Қылмыстық іс жүргізу нысанын жіктеу: рұқсат етілген шектер

Мақаланың мақсаты қылмыстық іс жүргізу формасын дифференциациялау кезіндегі тиімді бағытын анықтау болып табылады. Өткен ғасырдың 20–30 жж. жаппай қуғын-сүргін кезеңінен бастап, ішкі қылмыстық процесс барысында қылмыстық іс бойынша әкімшілік іс қозғау үрдісі байқалды. Осы уақытқа дейін қылмыстық қудалауды жеңілдету және жеделдету мақсатында қылмыстық процеске әкімшілік рәсімдерді енгізу қажеттілігі туралы практикалық позиция болды. Қылмыстық үдерістегі ғылымда ғасыр бойы іс жүргізу формасын дифференциациялаудың бағыттары мен мүмкіндіктері талқыланды. Мұндай талқылаулар әдіснамалық негіздерден айырылады, себебі қылмыстық процеске болжамды жеңілдету процедуралық экономика емес, қылмыстық іс жүргізу нысанын әкімшілік іс жүргізу арқылы ауыстырады. Қолжеткен нәтижелер қылмыстық іс жүргізу құқығының тарихи құжаттары мен ғылыми жетістіктері болып табылады. Сонымен қатар қолданылатын әдістемелік саралау дәстүрлі репрессивтік қылмыстық процеске қылмыстық-іс жүргізу формасын дифференциациялау нысаны болып табылады, сондықтан дамыған мемлекеттер тәжірибесін пайдалану әрқашан сот төрелігін қалпына келтіруде өз нәтижелерін бермейді. Зерттеу негізінде автормен қылмыстық іс жүргізу формасын дифференциациялау түсінігі беріліп, нысаны мен оның шектері айқындалды. Заманауи кезеңдегі ғылымның жаңа жетістіктері көмегімен қылмыстық іс жүргізудің тиімділігіне қолжеткізуге, оны оңтайландыруға мүмкіндік алуға болады. Автор хаттамалық-бұйрықтық өндіріске дейінгі қылмыстық іс жүргізуді дәлелдеудегі мәлімет қазіргі заманғы қылмыстық процесс шеңбері аясына емес деген пікірін білдіреді. Қылмыстық сот ісін жүргізудегі әкімшілік рәсімдерді біріктіру сот төрелігі және мемлекеттік қызметтің ерекше түрі ретіндегі қылмыстық іс жүргізуді баяулатуы мүмкін.

Кілт сөздер: қылмыстық іс жүргізу нысанын жіктеу, жеделдетілген өндіріс, өндірістің ерекше түрлері, қылмыстық қуғын-сүргін, жеңілдетілген қылмыстық сот ісін жүргізу қағидасы.

V.V. Khan

Differentiation of the criminal procedure form: limits of admissibility

The aim of the work is to establish the limits of admissibility in the differentiation of the criminal procedure form. Since the period of mass repressions of the 20s — 30s of the last century, in the domestic criminal process there has been a tendency to integrate administrative proceedings in criminal proceedings. Until now, there has been a practical position on the need to introduce administrative procedures into the criminal pro-

cess in order to simplify and expedite criminal reprisals. In the science of the criminal process, throughout the century there has been a discussion about the directions and possibilities of differentiating the procedural form. Such discussions are devoid of the methodological basis, since the alleged simplification in the criminal process is not aimed at procedural economy, but at replacing the criminal procedure form with administrative proceedings. The achieved results are based on the analysis of historical documents and scientific achievements of criminal procedure law. It is noted that the used methodology of differentiation of the criminal procedure form is traditional for a repressive criminal process, and therefore the use of the experience of developed countries is not always perceived from the position of restorative justice. Based on the research, an author's understanding of the differentiation of the criminal procedure form is formed and its limits are determined. Achieving the effectiveness of the criminal process and rationalization is possible with the help of the potential of modern sciences. The author comes to the conclusion that the reduction of criminal procedural evidence to the protocol-mandative proceedings does not fit into the framework of the modern criminal process. The integration of administrative procedures in criminal proceedings is inadmissible and discredits the criminal process as a special kind of justice and state activity.

Keywords: differentiation of criminal procedure; accelerated production; special types of production; criminal repression; principles of simplification of criminal proceedings.

References

- 1 Strogovich, M.S. (Ed). (1992). O edinoi forme uholovnoho sudoproizvodstva i predelakh ee differentsiatsii [On the uniform form of criminal proceedings and the limits of its differentiation]. *Izbrannye Trudy – Selected works, Vol. 2*, 278. Moscow: Nauka [in Russian].
- 2 Gorskij, G.F., Kokorev, L.D., & Elkind, P.S. (1978). *Problemy dokazatelstv v sovetskom uholovnom protsessse [Evidence Issues in the Soviet Criminal Procedure]*. Voronezh: Izdatelstvo Voronezhskogo universiteta [in Russian].
- 3 Rustamov, H.U. (1998). *Uholovnyi protsess. Formy [Criminal process. Forms]*. Moscow: Zakon i pravo; YuNITI [in Russian].
- 4 Yakub, M.L. (1981). *Protsessualnaia forma v sovetskom uholovnom sudoproizvodstve [Procedural form in the Soviet criminal proceedings]*. Moscow: Yuridicheskaja literature [in Russian].
- 5 Liede, A.A. (1959). Proizvodstvo po delam o melkikh prestupleniiakh po projektu UPK Latviiskoi SSR [Proceedings for minor crimes under the draft Code of Criminal Procedure of the Latvian SSR]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 3, 109–113 [in Russian].
- 6 Krylenko, N.V. (1927). Pora! [It's time!]. *Revoliutsiia prava – Right revolution*, 4, 84–91 [in Russian].
- 7 Brandenburgskij, Ya. (1929). K postanovke voprosa ob uproshchenii uholovnoho protsesssa na VI sezde rabotnikov yustitsii [To the question of the simplification of the criminal process at the VI Congress of Justice]. *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii – Soviet justice diary*, 1, 3–9 [in Russian].
- 8 Ginzburg, A.Ya. Osoboe soveshchanie i «troiki» OGPU-NKVD v sisteme sovetskoj zakonnosti: pravovoi aspekt [Special meeting and the «troika» of the OGPU-NKVD in the system of Soviet legality: the legal aspect]. *zakon.kz*. Retrieved from <https://www.zakon.kz/4549695-osoboe-soveshchanie-i-trojki-ogpu-nkvd.html> [in Kazakhstan].
- 9 Brester, A.A., & Bykovskaya, A.S. (2015). Sravnitel'no-pravovoi analiz uproshchennogo proizvodstva v uholovnom protsessse Rossii i Hermanii [Comparative legal analysis of simplified production in the criminal process in Russia and Germany]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava – Actual problems of Russian law*, 12, 162–170 [in Russian].
- 10 Brester, A.A., & Bykovskaya, A.S. (2018). Printsipy uproshchenii uholovnoho sudoproizvodstva na primere Shveitsarii i Hermanii [Principles of simplification of criminal proceedings on the example of Switzerland and Germany]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia – Journal of Foreign Law and Comparative Law*, 2, 99–104 [in Russian].
- 11 Berdygulova, Zh.K. Problemye voprosy, vznikaiushchie pri zakliuchenii protsessualnykh sohlashenii [Problem issues arising from the conclusion of procedural agreements]. *akm.sud.kz*. Retrieved from <http://akm.sud.kz/rus/content/problemnye-voprosy-voznikayushchie-pri-zaklyuchenii-processualnyh-soglasheniy> [in Russian].
- 12 Uholovno-protsessualnyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iulia 2014 hoda No. 231-V [Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 № 231-V]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> [in Kazakhstan].
- 13 Kaija, S. (2018). Criminal procedural form and its differentiation. *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018*. Retrieved from <https://sgemsocial.org/ssgemlib/spip.php?article5378> [in Latvia].
- 14 Radchenko, V. (2008). Horosho sidim [Sitting well]. Rossiiskaja hazeta – Russian newspaper. *rg.ru*. Retrieved from <https://rg.ru/2008/09/02/radchenko.html> [in Russian].